

Неделя Сорок Шестая: Сессия 91-Доктор Харлин Квинзель

Теперь она понимала, что такое разбитое сердце.

Этот шок напомнил ей о том, как однажды зимой она провалилась под лед озера в Робинсон-парке. Тетя велела ей "уйти и играть, как хорошая девочка", и оставить ее в покое. Она очень обиделась на то, что Харлин умоляла взять ее поиграть с другими детьми, и в конце концов согласилась только потому, что вспомнила, что в парке был продавец безделушек, у которого была нитка бус, которую она хотела купить.

Харлин каталась на коньках, осторожно обмениваясь дружескими словами с немногочисленными другими детьми, время от времени оглядываясь туда, где сидела ее тетя и читала свою книгу, ни разу не подняв глаз.

Харлин смотрела, как старшая девочка делает красивые трюки - пируэты и повороты, ее худое, сильное тело бросало вызов силе тяжести, прежде чем лезвие ее конька ударилось о лед, уверенное и устойчивое, легко поддерживая ее. Несколько человек, собравшихся на берегу озера, восхищались ею, тихонько хлопая в ладоши, и при этом шуме тетушка подняла голову. Посмотрел через озеро. Посмотрел на старшую девочку и увидел, как она катается по широкой дуге, прежде чем прыгнуть в красиво выполненный двойной поворот. Тетушка улыбнулась.

Харлин не понимала того странного, грызущего чувства, которое только что поглотило ее грудь. Но она изучала гимнастику в течение почти целого года на этом этапе, и ее работа над балансиром улучшалась "вне поля зрения", сказал ее тренер. Она могла крутануться в воздухе и приземлиться на балку одной ногой. Старшая девочка сделала это так легко. Харлин тоже могла бы.

И вот она каталась на коньках. Согнувшись в коленях, она подалась вперед, представляя себе, как будет выглядеть ее маленькое детское тельце в воздухе. Как все будут оборачиваться, чтобы посмотреть на нее, восхищаться и восхищаться. - Все вместе.

Она подскочила, и ледяной воздух обжег ей щеки. Она развернулась всем телом, раскинув руки в грациозной, как ей казалось, балетной позе, и тут же ощутила притяжение гравитации. Этого она никак не ожидала. Надо было держать их поближе к себе, пока она не определила силу, необходимую для завершения вращения.

Это ее замедлило. Она спускалась вниз, парк с его голыми, изогнутыми черными деревьями и горьким белым пейзажем, размытый мимо нее, затем остановился. Она понимала, что приземлится неудачно. И это будет очень больно.

Позади нее кто-то крикнул: "Эй, смотрите!- На какое-то мгновение она почувствовала прилив торжества, несмотря на беспорядок, но затем ее коньки ударились о лед.

Она не ожидала, что он будет таким скользким.

Ее нога скользнула вперед, и мир снова перевернулся. Она мельком увидела пятнистый серый цвет неба, прежде чем ее глаза зажмурились от силы приземления, ударившись о ее зад, ее голова грохнулась вниз секундой позже.

"Не плачь, не плачь, не плачь", -мысленно попросила она свое девятилетнее дитя, и тут раздался страшный треск.

У нее было только мгновение, чтобы тупо подумать, какую кость она сломала и как рассердится тетя, когда ее поглотят.

В своем движении и сосредоточенности, чтобы получить лучшую скорость, лучшую силу за ее не столь триумфальным подвигом, она катилась прямо к флагам, которые отмечали опасную зону, не осознавая этого. Этот поворот захватил ее целиком и полностью.

От ледяной воды у нее перехватило дыхание и перехватило дыхание, а легкие сдавило и раздавило таким давлением. Ее сердцебиение ускорилося, каждый удар был похож на удар по груди, болезненный и ужасный. Вода просачивалась прямо сквозь слои ее одежды, покалывая кожу, как тысяча иголок. Как бы сильно она ни боролась, она не могла от этого избавиться. Он полностью охватил ее и отказывался отпускать, поглощая ее мысли с мучительным отчаянием и оставляя ее тело ошеломленным и кричащим.

В те мгновения, пока спасители не добрались до нее, она не знала ничего, кроме агонии, страха и стремления убежать от них обоих.

Даже онемение, которое наступило вскоре после того, как ее вытащили, было своего рода болью. Это делало ее тело чужим для нее, неприветливым и протестующим хозяином. Все, что она знала, было мучительным желанием уйти от этого.

Сидя в их комнате для заседаний, она печально смотрела на диван, который ждал его присутствия. Каким же пустым он казался без него. Как же пусто было в комнате. Какой пустой была ее жизнь!...

Ей казалось, что она и раньше знала, что такое разбитое сердце. Ее третий бойфренд, в которого она тогда верила, будет "тот самый". Он был аспирантом, о котором она страстно мечтала, но никогда ничего не делала, только для того, чтобы он объявил о своей помолвке с кем-то другим. Даже конец дружбы с другой девушкой-дружбы, которая переступила границы романтики и заставила Харлин задуматься.

Только теперь она могла видеть эти мимолетные страсти как детские увлечения, которыми они были.

Она позвонила в свой первый больничный на следующий день после того, как он плакал в ее объятиях (она все равно не собиралась его видеть в тот день. Вообще-то не было никакого смысла идти туда), и она провела весь день рыдая, завернувшись в одеяло.

Вид его рыданий ... что - то сделал с ней. Она не могла подобрать подходящих слов. Что-то в этом странном, почти бессвязном поведении его физического тела оплакивало его потерянную душу, в то время как взгляд его был устремлен куда-то далеко-далеко, глубоко затронуло ее. Он оставил ее изменившейся.

То, как он рухнул, как только охранники ушли. Какое доверие, какое сокровенное, драгоценное доверие-это было видно. Его потребность сдержать улыбку, сохранить чувство юмора - такая отвага. Его дрожащая рука на ее руке и странные, таинственные вещи, которые он сказал. Даже невнятность в его голосе заставила ее содрогнуться.

Видеть его таким-сломленным и потерянным, против его воли, принужденным к этому неэтичным так называемым доктором - было потрясением для нее.

Она не хотела отпускать его в конце сеанса. Она была уже почти вне пределов досягаемости, чтобы успеть вернуться к своему креслу, когда войдут стражники. Хотя он казался гораздо больше себя, наблюдая, как он их вывел - Э - Эван, а другой - она хотела убежать с криками за ними, перетащить его обратно и защитить его своим телом. Никто из них не понимал его. Никого из них это не волновало. Никто из них не видел того, что видела она. Для них он был всего лишь чудовищем, и мысль о том, что он лежит один в холодной темной камере, совершенно непонятый и игнорируемый, потрясла ее.

Дома она держала в руках его фотографии и горько плакала над ними. Она знала, что если вернется в кабинет, то встретится с доктором Аркхемом, потребует, чтобы ей разрешили увидеться с ним, спросит, какого черта Аркхем думает, что он делает. Рассказать ему все, что она знала, чтобы он мог наконец увидеть, какой большой вред они причиняют, что он был больше, чем просто убийца и больше, чем просто животное.

Но она не могла этого сделать . Джокер ей доверял. Она была выше всех остальных.

Джокер, конечно же, лгал о своем прошлом. Все это знали. Это был защитный механизм, способ защитить себя от тех, кто только причинит ему боль правдой. Только ей он доверил эту истину.

Но в тот день она зашла глубже, глубже, чем кто-либо мог себе представить, чтобы пойти с ним. Он бессознательно проговорился не только о деталях, но и об именах . Он говорил о любви. О женщинах, которых он ... любил.

Это усугубляло ее страдания. Эти имена преследовали ее. Джинни, Ребекка, Лили. Она не могла выбросить их из головы. Кто были эти женщины? Откуда он их знал? Насколько близко он их знал?

Она не могла вынести этих мыслей, но и избавиться от них тоже не могла. Эти имена снова и снова звучали в ее измученном воображении. Она раздвинула буквы, произнесла их по буквам, гадая, правильно ли она их произнесла, и прошлась губами по слогам. Кого же из них он любил больше всего? Неужели он все еще любит ее? Может быть, это о ней он думал в самые мрачные минуты своей жизни, о ней он тосковал и тосковал?

Как он мог когда - либо увидеть ее - подумать о ней-с мыслью об этой женщине, преследующей его? Что же случилось с ней - с ними ? Как она могла надеяться удержать место в его сердце, если оно было поглощено этой другой женщиной?

Она снова почувствовала, что тонет. И так же, как и раньше, не было никакого спасения.

Она едва смогла выдавить улыбку, когда они привели его сюда. Ей было интересно, заметила ли она произошедшую с ней перемену - если бы стражники могли видеть напряженные черты ее лица, бледные щеки и слишком яркие глаза. Ее глаза с тоской блуждали по телу пациентки. Его вид переполнял ее желанием и тоской. Она постоянно размышляла о его красоте, и все же каждый раз, когда она видела его во плоти, это снова поражало ее. Это заставляло ее чувствовать себя больной от желания. Все ее тело дрожало от желания прикоснуться к нему, быть рядом. На ее глазах снова выступили слезы.

Так или иначе, она забыла. Забыл, что он был ее пациентом, что между ними не было никакой надежды. Никогда не стать.

И все же она упустила это из виду. Начал было ... надеяться.

Теперь, когда она знала, что такое разбитое сердце на самом деле, она знала, что никогда не оправится.

Джокер был спокоен и задумчив, когда мужчины приковали его лодыжку и вышли из комнаты. Она не могла вымолвить ни слова из-за переполнявших ее эмоций и вместо этого молча смотрела на него, крепко сжав губы.

Будь сильной, убеждала она себя, Будь сильной ради него . Без сомнения, он чувствовал себя уязвимым после их последнего сеанса. Ей следовало бы улыбнуться ему, это бы его развеселило. Она могла бы рассказать ему анекдот. Она рылась в интернете в поисках хороших шуток, которые могла бы рассказать ему в начале их занятий. Но сейчас, хоть убей, она не могла вспомнить ни одного из них.

Затем он заговорил:

-Ну ты знаешь. Мой отец бил меня довольно сильно."

Она не могла сдержать изумления, так как у нее отвисла челюсть. Это было действительно

так. После всего этого времени-ожидая, что он снова поверит ей после того, как она раскрыла свои прежние планы по написанию книг, ожидая, что он будет чувствовать себя комфортно и безопасно, чтобы пойти действительно глубоко с ней, и этот момент, наконец, наступил. У нее пересохло во рту.

Он смотрел прямо перед собой на дальнюю стену, его лицо было пустым, а глаза широко раскрытыми.

После того, что произошло на днях, он явно принял решение. Он шел ей навстречу, чтобы продемонстрировать свою веру в нее. Чтобы полностью ей доверять. Она была переполнена привилегиями и опасениями. Была ли она действительно достойна этого?

Ее сердце бешено колотилось. Она не была уверена, стоит ли вообще что-то говорить. Это может разрушить чары. Он должен был чувствовать себя в безопасности, защищенным в своем участии. Наконец, она просто кивнула, даже не уверенная, осознает ли он это.

-Мне никогда много не приходилось делать.- Продолжал он. -А может, ему и не нужно было оправдываться. Любой мой неверный шаг, любая маленькая ошибка - и бац!- Он двинулся вперед, яростно размахивая рукой, и она подскочила. -Он бы меня отлупил. Или знаете, иногда я просто сидел там - ничего не делая-и глухо стучал!- Он ударил ее ногой, и она отпрянула. Он вздохнул и откинулся на спинку дивана. - Видите ли, папаша предпочитал виноград.- Печально сказал он, и она кивнула.

Детская травма, воспринимаемое отторжение со стороны отца, сформированная потребность в одобрении...

- Видите ли, мы были бедны. Мой отец выполнял разную работу для соседей. Моя мама занималась стиркой. Мы едва сводили концы с концами. Можно ли винить папу за то, что он чувствует потребность утопить свои печали?"

Она старательно сохраняла нейтральное выражение лица, но про себя подумала: "не важно, что он потратил столько денег на выпивку, чтобы купить еды для всей семьи! Харлин терпеть не могла эгоистичных пьяниц. Особенно те, кто придирался к невинным маленьким мальчикам.

Лицо Джокера было неподвижно, когда он блуждал по тропинкам памяти, но вдруг он усмехнулся. - У папаши была тяжелая жизнь, и он никогда не находил повода смеяться. Но однажды я увидела его по-настоящему счастливым. Цирк был в городе - вы ходили в цирк ребенком, не так ли, док?- И она ободряюще кивнула. Да, у нас было так много общего! -И хорошо, что нам удалось наскрести достаточно денег, чтобы уехать. Папаша был очень увлечен этим. Почему-то мне показалось, что это было одно из немногих счастливых воспоминаний его собственного детства. Я же был просто рад сделать что-нибудь с моим отцом, чтобы он не пил и не бил меня."

Возможная семейная история жестокого обращения, цирк интуитивно понимается как

потенциальный связующий опыт...

-Итак, мы пошли и УО-ОУ! Что за цирк, док! Они просто не делают их такими, как раньше. Здесь были танцующие медведи и тигры с великолепным тренером в великолепном алом плаще, была эта милая маленькая собака, все эти очаровательные маленькие щенки, бегающие вокруг, делающие трюки, фантастические жонглеры и красивая девушка - первая красивая девушка, которую я когда - либо замечал-в розовых колготках, которые летали на трапеции, высоко-высоко над нашими головами! Ух ты! Я не могла поверить своим глазам! Держу пари, что ты был бы хорош на трапеции, Док-и Эй, у нее были светлые волосы, совсем как у тебя!"

Он бросил на нее робкую полуулыбку, и ее сердце слегка дрогнуло. Боже, может быть, есть надежда ... хоть немного надежды...

-Но самое лучшее из всего, - продолжал он, и теперь улыбка снова коснулась его губ. -Хе, хе. Самая лучшая часть была-клоуны !- То, как он все это сказал, хихикая от восторга, заставило ее улыбнуться, вспомнив клоунов в цирке, когда она была еще девочкой. Мать ее подруги Бекки взяла ее с собой, потому что ее тетя не хотела этого делать. это были дни ее детства. - О, Док! Ты бы только их видел! Едем на маленьком велосипеде-толчке в одном большом строю, спотыкаясь друг о друга, падая на свои собственные большие ноги! И там был один маленький парень-настоящий маленький оборванец, вы знаете-собачье тело группы! О, они дали ему это хорошо! На нем были эти нелепые брюки слишком большого размера, и он изо всех сил старался не отставать от других только для того, чтобы хлопнуть!- И Джокер вытянул обе ноги, вскинул руки вверх, а она завороченно смотрела на него. Она не могла удержаться от смеха, видя перед собой забавного маленького клоуна! -Он бы свалился, прямо на свою грудь! Ха! И как только он встанет, то сразу же спустится вниз! Или пока он ходил вперевалку, эти брюки падали ему на лодыжки, обнажая его шорты в горошек! Зрители были в шитье! А мой папа-ха! Мой отец никак не мог насытиться. Он был в истерике. Я думал, что у него кишки лопнут! Это было здорово! Через некоторое время я перестал смотреть на клоунов и просто смотрел на своего отца! Как же мне хотелось сделать его таким счастливым! Может быть, если бы я только мог рассмешить папу, я бы не доставлял ему столько хлопот."

Связь между смехом и одобрением, одобрение воспринимается как любовь...

- Итак, док, на следующий же день, когда папа, пошатываясь, вышел из бара, я встретил его в одних воскресных майках, гордый, как ни крути, и готовый сбить его с ног. - Эй, папочка, - закричал я, - посмотри на меня !"

Она расхохоталась, когда Джокер вскочил на ноги, широко раскинув руки, изображая неискреннюю, широко раскрытую веселость мальчика, отчаянно желающего угодить своему отцу.

- А потом я сбросил эти штаны до лодыжек и устроил жуткий грохот, вырвав сиденье прямо из его брюк!- Он сбросил пижамные штаны, обнажив свои собственные белые шорты. Она вскрикнула и закрыла глаза, продолжая смеяться, глядя сквозь пальцы на сияющего исполнителя, который возвышался над ней, продолжая хихикать. Прирожденный артист,

подумала она в бреду, когда веселье взяло верх, и она хихикнула, когда он наклонился и хлопнул себя по колену, и их смешанный смех наполнил воздух. Интересно, какой у него папа...

-А потом он сломал мне нос.- Внезапно сказал Джокер, и она резко прекратила смеяться, вскинув голову и уставившись на него.

Он снова сел на диван, выглядя задумчивым. - Я думаю, что это была его изюминка. И все же мне нравится думать, что где-то в глубине души ему было немного щекотно. И кто знает? .. Может быть, этот удар был его участием - может быть, он целился в мою ногу и промахнулся. Через три дня в больнице, под воздействием морфия, в это легко было поверить."

Она не могла верить своим ушам. Она пристально посмотрела на прекрасное философское лицо, которое, несмотря на все испытания, продолжало улыбаться, и в ужасе сказала: "он ударил тебя ногой в лицо? Вы были в больнице в течение трех дней ?"

Джокер бросил на нее быстрый взгляд и пожал плечами. -Да ладно тебе, док. Я уже привык к таким вещам. Бэтмен всегда делает одно и то же. Эй, это напоминает мне о том прорыве, который вы сделали ДОК, о том, что Бэтмен и мой отец так похожи - ни один из них никогда не был хорош в шутках. Но я думаю, что живу в надежде."

Она чувствовала, как ее сердце разрывается. Как он мог вынести всю эту боль внутри себя? Она едва могла вынести одну только мысль об этом. Как он мог просто принять это ужасное обращение, так легко, так самодовольно - неужели это все, что он считал, что заслужил? Может быть, именно поэтому он так заикнулся на своей маниакальной комедии - сумел ли он за эти годы убедить себя, что бурная реакция равносильна какой - то ... любви? Об одобрении или участии в акте? Неудивительно, что он был так одержим Бэтменом - Бэтмен ответил так же, как и его отец! Жестоко, безжалостно и абсолютно без чувства юмора.

Она пристально посмотрела на него и сложила руки на коленях. -Я хочу, чтобы ты знал, - спокойно сказала она. -Я очень ценю то доверие, которое вы сегодня мне оказали. Я считаю это честью для себя. И я благодарю вас за то, что вы поделились."

Он застенчиво улыбнулся ей. -Только ты, док. Я могу только доверять тебе в этом.- Как она была взволнована, услышав эти слова! -И я чувствую себя намного лучше, правда, как будто с меня сняли тяжесть. Спасибо док, ты самый лучший!- И он раскрыл ей свои объятия, а она, даже не задумываясь, встала и подошла к дивану рядом с ним, охотно входя в его объятия.

Она обвила руками его тонкую талию и прижалась щекой к его груди, глубоко вдыхая его дыхание, наслаждаясь ощущением его тонких, сильных рук вокруг себя. Он крепко прижал ее к себе, прижавшись щекой к ее макушке, и она почувствовала, как ее сердце забилося сильнее, почувствовала поднимающийся жар в чреслах. Боже, она могла бы оставаться такой вечно, и, не задумываясь, она уткнулась лицом в его грудь.

Она почувствовала, как он напрягся и испугался, она подняла к нему лицо, внезапно

испугавшись, что зашла слишком далеко. Но он смотрел на нее сверху вниз со странным выражением - Не дискомфорт или отвращение - но ... неужели это действительно так?

Желание?

Да - да так и было! Он смотрел на нее сверху вниз своими мечтательными фиолетовыми глазами, полными такого же желания, как и она сама.

Напряжение между ними росло, пока они молча сидели в маленькой, тускло освещенной комнате, а часы ровно тикали на стене, и они держались друг за друга. Она восхищалась совершенством его угловатого белого лица, тем, как красиво пряди зеленых волос падали ему на лоб, каким благородным и сильным был его длинный нос - и как ... как соблазнительно было целовать его великолепные красные губы.

Его лицо дрогнуло, когда она чуть приподняла голову.

- Харли, - прошептал он, и его голос был подобен ласке, - я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом."

Она заморгала влажными глазами, глядя на него. - Я всегда предпочитала мужчин постарше.- Сказала она гортанно, и тень улыбки промелькнула на его губах.

Затем он наклонил к ней свою голову.

Когда их губы встретились, она почувствовала, как волна экстаза захлестнула ее. Если раньше она не понимала, что такое разбитое сердце, то теперь она не знала и экстаза настоящего поцелуя. Боже, ничего подобного раньше не было. Это был не первый поцелуй ее первого парня, и даже не первый поцелуй первого парня, которого она любила. Ни один из этих поцелуев не мог сравниться с ощущением его губ, мягко играющих на ее губах, с тем, как он нежно, нежно захватил ее губы, нежно направляя ее. Она почувствовала, как поток расплавленного чувства растекается по ее чреслам, почувствовала, что внезапно стала влажной, и упала в обморок, когда он мягко проник в ее открытый рот и засунул свой язык внутрь. Как можно было в простом поцелуе чувствовать себя таким же сильным и всепоглощающим, как и сам секс? Действительно, более того?

Неужели это происходит на самом деле? У нее закружилась голова, и хотя ощущение его прикосновения было остро реальным, настолько реальным, что ее чувства были полностью перегружены, она не могла полностью поверить в это. Неужели ее мечта действительно сбывается?

Она едва могла понять это, но так оно и было. Его руки снова сжались вокруг нее, и она отдалась в его объятия, когда поцелуй стал более страстным. Он был так нежен, и все же он полностью владел собой; он держал ее в плену своим ртом, она ничего не могла сделать, но позволила ему вести себя так, как он сам выбрал. Она могла бы напиться от этого, стать

безумной и полностью восхищенной, провести остаток своих дней, наслаждаясь его поцелуем.

Но вдруг он отстранился, и она услышала, как из ее горла вырвался тихий жалобный крик. Он усмехнулся, когда его губы оторвались от ее губ, а нос прижался к ее носу.

-Мне очень жаль, Харли, - хрипло сказал он. - Пожалуйста, прости меня. Я просто ничего не могла с собой поделать."

-Я сама этого хотела.- Тихо запротестовала она, наслаждаясь теплом его дыхания на своем лице. -Не надо извиняться. Надеюсь, вы не сочтете, что я злоупотребляю своим положением."

Он выглядел слегка шокированным. -Конечно, нет, душистый горошек. Хотя, - и его голос упал, гортанный и злой, когда он пробормотал у ее шеи. -Есть одна или две позиции, которыми я не прочь злоупотребить вместе с тобой."

Она не смогла удержаться от смеха. Она чувствовала головокружение от бреда. Боже, он был таким ... очаровательным и озорным. Он был такой ... восхитительный .

И он хотел ее.

Это было слишком великолепно, чтобы быть реальным. Она может проснуться в любой момент. И все же ее губы покалывало там, где он целовал их, она все еще чувствовала его вкус на своем языке. Тем не менее, его руки обвились вокруг нее, и она надежно укрылась в них.

Он откинулся назад, немного отодвинулся от нее, и почти сразу же она почувствовала себя замерзшей и потерянной. Он взглянул на настенные часы.

- Время вышло, док. Лучше вернись на свое место, пока мальчики не вошли."

<http://tl.rulate.ru/book/30508/654488>